► **КАПОГУЗОВ Евгений Алексеевич**

Доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономической
теории и предпринимательства

**Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского**
644077, РФ, г. Омск,
пр. Мира, 55а
E-mail: egenk@mail.ru

► **БОГДАНОВА Анастасия Сергеевна**

Научный сотрудник проекта

**Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского**
644077, РФ, г. Омск,
пр. Мира, 55а
E-mail: bogdanova.st@mail.ru

Ключевые слова

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ
КАЧЕСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Оценка регулирующего воздействия как институт социального контроля*

Аннотация

Рассматривается сущность оценки регулирующего воздействия (ОРВ) с позиций институционального подхода, раскрываются структура и методологические аспекты данного явления. На основе предложенного авторами определения выявлены сущностные характеристики ОРВ как особого рода института, способствующего развитию социального контроля. Показано, что ОРВ является существенным элементом повышения эффективности качества институциональной среды, способствует становлению и развитию социального контроля, качества и социально-экономических последствий принимаемых нормативных актов. Проведен сопоставительный анализ российского опыта проведения ОРВ и зарубежных практик, на основе которого выявлены отличительные черты отечественной системы оценки. Показаны противоречия текущей ситуации с оценкой регулирующего воздействия на федеральном уровне в России, обосновывается значимость более активного вовлечения предпринимательского сообщества для улучшения качества государственного регулирования.

ВВЕДЕНИЕ

С начала 1990-х годов вопрос о влиянии качества институтов на экономическое развитие является общим местом в экономических исследованиях [10]. В ходе реформ в духе Нового государственного менеджмента как в странах ОЭСР, так и в развивающихся и транзитивных странах для повышения качества институциональной среды стал использоваться схожий набор элементов институциональной структуры, существенное место среди которых заняла оценка регулирующего воздействия (ОРВ) [3]. Значимость его введения обусловлена прежде всего необоснованным ростом регулирующих норм, нередко противоречащих друг другу, что влечет за собой непредсказуемость ведения предпринимательской деятельности и сдерживает предпринимательскую активность, создавая дополнительные издержки в хозяйственной деятельности (административные барьеры). Значимость оценки регулирующего воздействия возрастает и в связи с формированием в России институтов так называемой «электронной демократии», в том числе общественных инициатив по регулированию обсуждения законопроектов, что также значимо в связи с введением институтов общественного (социального) контроля. Таким образом, актуальность настоящего

исследования обусловлена объективно существующей потребностью в повышении качества правового регулирования общественных отношений в социально-экономической сфере, а также в повышении уровня доверия к власти и принимаемым ею решениям.

В настоящий момент степень изученности рассматриваемой проблемы нельзя назвать достаточной, особенно в российском научном сообществе, несмотря на наличие значительного числа публикаций, раскрывающих как содержание и природу ОРВ, так и практику ее применения в российских регионах. В направлении анализа и оценки эффективности института ОРВ работали такие зарубежные специалисты, как: Р. Хан, С. Джейкобс, Э. де Сото; российские исследователи: П. В. Крючкова, А. Е. Шашитко, А. Б. Дидикин, В. В. Колегов, А. А. Ефремов и др. Методологическую основу для практического внедрения ОРВ в значительной степени сформировали результаты исследований группы Манделькер-на, группы экспертов Всемирного банка, а также обзоры практик применения ОРВ, составленные ОЭСР. Можно констатировать, что оценка регулирующего воздействия для стран постсоветского пространства стала импортируемым институтом [2], который между тем активно вошел в практику реформы государ-

JEL classification

D02, H11, H83, L51

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 16-12-55018 «Оценка эффективности институциональных изменений в сфере производства государственных услуг: развитие методологии и характеристика состояния в регионе».

Regulatory Impact Assessment as an Institution of Social Control

ственного управления, являясь одним из ключевых элементов трансформации подходов к регулированию [5].

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим теоретико-методологические основы оценки регулирующего воздействия как института «умного государственного регулирования», проанализируем отдельные особенности зарубежного опыта его внедрения и охарактеризуем ряд особенностей и противоречий внедрения данного института в России.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Теоретические подходы к определению понятия оценки регулирующего воздействия весьма неоднозначны, так как ОРВ берет свое начало из практики, т.е. первоначально формализовался процесс и технология проведения оценки, а затем происходила теоретизация и формирование понятийного аппарата. Таким образом, единой теоретической концепции ОРВ не существует, и определения, представленные в различных источниках, расходятся в зависимости от технологии, лежащей в основе данной оценки.

Стоит отметить, что практический толчок к повышению значимости внедрения механизмов оценки последствий принимаемых нормативных актов был дан после выхода знаменитой работы перуанского экономиста Эрнана де Сото «Иной путь: невидимая революция в третьем мире». Демонстрируя, что подавляющая часть принимаемых в Перу законов связана с частными интересами, и показывая последствия таких действий, де Сото предложил практические рекомендации, направленные на решение данных проблем, в частности публичное обсуждение законопроектов и анализ последствий их принятия в терминах «издержки–выгоды» [7]. Во многом под влиянием книги де Сото инструмент ОРВ и получил широкое распространение как в развитых [11; 18], так и в

развивающихся [15] и переходных странах [19], прежде всего с целью снижения административной нагрузки на бизнес [13], а в конечном счете повышения его конкурентоспособности. Со временем, однако, этот подход был значительно расширен. Во-первых, акцент сместился от затрат к рассмотрению выгод и издержек в целом. Во-вторых, общественные цели были расширены за пределы только повышения конкурентоспособности частного сектора. Рассмотрим, как эти изменения реализовались на практике, приведя несколько различных современных трактовок ОРВ.

Для формирования первого представления о данной категории целесообразно провести ее самый простой анализ, разобрав каждую составляющую ее английской интерпретации Regulatory Impact Assessment:

- «regulatory» – «регулирующий», «распорядительный», употребляется в отношении государства как носителя власти;
- «impact», или в переводе «импульс», «воздействие», рассматривается как следствие какого-либо внешнего действия;
- «assessment» – «оценка», «определение», «экспертиза», в значении некоторой измеримой характеристики объекта, сформированной в ходе его анализа.

Таким образом из семантической интерпретации можно заключить, что ОРВ (RIA) представляет собой анализ какого-либо объекта, подверженного изменениям в результате внешнего воздействия в виде принятия решения со стороны государства.

Анализ содержательных подходов к изучаемой категории стоит начинать с рассмотрения определений, представленных в иностранных источниках, так как исторически первые упоминания об ОРВ относятся к работам зарубежных исследователей. Так, Скотт Джейкобс, который считается мировым специалистом по регуляторной политике, в обзоре лучших практик ОЭСР 1997 г. определяет ОРВ как инструмент, метод: 1) систе-

► **Yevgeny A. KAPOGUZOV**

Dr. Sc. (Econ.), Head of Economic Theory and Entrepreneurship Dept.

**Dostoevsky Omsk State University
644077, RF, Omsk,
Mira Ave., 55a
E-mail: egenk@mail.ru**

► **Anastasiya S. BOGDANOVA**

Project Specialist

**Dostoevsky Omsk State University
644077, RF, Omsk,
Mira Ave., 55a
E-mail: bogdanova.st@mail.ru**

Keywords

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT
INSTITUTION
SOCIAL CONTROL
ADMINISTRATIVE BARRIERS
QUALITY OF REGULATION

Abstract

The paper reveals the essence of the Regulatory Impact Assessment (RIA) from the standpoint of the institutional approach and discusses the structure and methodological aspects of this phenomenon. On the basis of the definition proposed by the authors, characteristics of the RIA, as a special kind of institution promoting the development of social control, are examined. The authors prove that the RIA is an essential element in improving the quality of the institutional environment. It contributes to the establishment and development of social control over the quality and socio-economic consequences of the regulations adopted. The article provides a comparative analysis of the RIA practices employed in Russia and other countries that helps identify the distinctive features of the Russian assessment system. The authors point out contradictions between the real situation and the Regulatory Impact Assessment at the national level in Russia and substantiate the importance of a more active involvement of business community to improve the quality of the state regulation.

JEL classification

D02, H11, H83, L51

матически и последовательно рассматривающий отдельные потенциальные последствия, вытекающие из действий правительства, и 2) передающий информацию лицам, принимающим решения [14. Р. 13]. Таким образом, ОРВ становится эффективным дополнением к механизму принятия решений на правительственном уровне, прежде всего с точки зрения возможности для оценки издержек и последствий, влияющих на третьих лиц.

Другие американские исследователи Колин Киркпатрик и Дэвид Паркер рассматривают ОРВ как метод анализа политики, который предназначен для оказания помощи чиновникам в разработке, осуществлении и мониторинге усовершенствований регуляторных систем, предоставляя методологию для оценки вероятных и фактических последствий предлагаемого регулирования [16]. В этом определении можно наблюдать более практикоориентированный подход, основанный на методологии оценки последствий решений чиновников.

Несколько иначе ОРВ понимается в практическом руководстве для британских госслужащих. Ею является:

- непрерывный процесс поиска причин для государственного вмешательства и осознания его последствий, а также планирования различных вариантов достижения цели;
- инструмент для разработки политики по оценке возможных издержек, выгод и рисков, которые могут оказать влияние на бизнес, окружающую среду и общество в целом в долгосрочной перспективе¹.

Исходя из данного подхода можно заключить, что ОРВ в Великобритании понимается с точки зрения воздействия не только на определенный объект, в отношении которого направлено государственное решение, но и на другие сферы общественной жизни, которые могут измениться в результате этого воздействия.

Российские нормативные документы в целом базируются на содержании международной теории и практики ОРВ. Так, в докладе АНО НИСИПП «Мониторинг внедрения института оценки регулирующего воздействия в механизм принятия решений в субъектах Российской Федерации» приводится следующее определение: «Оценка регулирующего воздействия представляет собой процедуру анализа проблем и целей государствен-

ного регулирования, поиска допустимых альтернативных вариантов достижения этих целей, а также связанных с ними выгод и издержек субъектов предпринимательской и иной деятельности, потребителей, государства, подвергающихся воздействию регулирования, для определения наиболее эффективного варианта регулирующего решения» [6. С. 3].

В Руководстве по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне, принятом в 2013 г., ОРВ представляет собой набор процедур, позволяющий разработчику регулятивных решений в процессе подготовки законопроектов рассмотреть максимально широкий спектр возможных регулятивных мер, оценить затраты и выгоды как адресатов регулирования (предпринимателей, граждан), так и бюджетов всех уровней, предложить наиболее эффективное решение, а также оценить его возможные последствия².

Как видно из представленных определений, ОРВ выполняет не просто техническую функцию, а является элементом процесса принятия решений, подразумевающим необходимость взаимодействия лиц, принимающих решения, с теми, чьи интересы (прямо или косвенно) затрагивает данное регулирующее решение. Подходы разных стран, как уже было отмечено, разнятся из-за практики проведения самой ОРВ, однако российский подход, по сравнению с американским, на наш взгляд, в большей мере направлен на поиск и оценку альтернатив, но вместе с тем, в отличие от концепции Великобритании, ему недостает широты охвата анализа возможных последствий, распространяющихся не только на субъекты прямого регулирования.

Рассмотрев различные подходы к определению ОРВ, стоит остановиться на конкретизации ее сущностных составляющих. Так, объектом ОРВ являются принимаемые на государственном и муниципальном уровне решения в виде различных проектов регулирующих актов, как правило, на этапе их разработки. Однако в России фигурирует еще и понятие оценки фактического воздействия, в ходе которой анализируются нормативно-правовые акты (НПА), действующие на территории РФ.

Предметом оценки регулирующего воздействия являются отношения между

обществом (включая организации, ИП, общественные объединения и т.д.) и государством, на которые оказывают воздействие принимаемые регулирующие решения.

Субъектом оценки регулирующего воздействия является орган государственной власти, принимающий регулирующие решения в рамках своей компетенции.

Все приведенные выше определения рассматривали ОРВ как набор процедур, процесс или инструмент. Но, с нашей точки зрения, необходимо расширить данный подход, сосредоточив внимание на том, что для успешного выполнения своих функций ОРВ должна быть интегрирована в законодательный процесс, т.е. должна быть институционализирована, что уже произошло на практике, в том числе в России. В связи с этим нам представляется необходимым ввести несколько иное определение оценки регулирующего воздействия, рассмотрев ее как институт. Так, ОРВ представляет собой институт взаимодействия властных структур и всевозможных субъектов общественных отношений в процессе принятия государственных решений, разработки и оценки их альтернатив, анализа выгод и издержек такого вмешательства, реализующийся посредством проведения публичных консультаций.

Вопрос о том, является ли оценка регулирующего воздействия *институтом*, требует более внимательного рассмотрения. Это связано с целым рядом обстоятельств:

- 1) рабочим определением категории «институт» в рамках соответствующей исследовательской задачи;
- 2) декомпозицией элементов института;
- 3) соответствием его общим и специфическим функций.

Рассмотрим это подробнее.

В современных общественных науках категория «институт» является одной из самых часто употребляемых и вместе с тем противоречивых. Во многом это зависит как от когнитивных и гносеологических ограничений исследователя, так и от принятия им соответствующей исследовательской парадигмы и предметного исследовательского поля. Говоря об институтах, даже в рамках метафор, ученые с различными ментальными моделями по-разному их рассматривают. Во многом понимание объясняется различиями в идеологии³

³ Данный термин понимается нами в духе Д. Норта и А. Дензау (см. [12]).

¹ Better Regulation Framework Manual. Practical Guidance for UK Government Officials. July 2013. URL: www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/211981/bis-13-1038-better-regulation-framework-manual-guidance-for-officials.pdf.

² Руководство по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне. М., 2013. С. 3. URL: www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4092e48049d0d84cae8bfe2f7584aa35/02.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4092e48049d0d84cae8bfe2f7584aa35.

исследователей, но это еще раз подчеркивает значимость междисциплинарного дискурса [4].

Понимание институтов и классики институционализма у экономистов, политологов, социологов, социальных философов и юристов разное, и в рамках междисциплинарного дискурса очень важно выявить сходства и различия в понимании термина «институт». Так, В.Л. Тамбовцевым показано, что наиболее общее понимание институтов, которое облегчает нечеткие рассуждения, однако затрудняет строгий анализ соответствующих феноменов, присущие социологии [8]. Вместе с тем для экономической науки характерно стремление к операционализации категорий, и в этой связи требуется более четкое понимание института, в частности через расщепление его элементов. В нортонской традиции институт ОРВ рассматривается как правило с механизмом принуждения – санкциями за его нарушение (enforcement), но со следующими особенностями. В рамках схемы «правило плюс санкции» ОРВ имеет характер устойчивой процедуры действий соответствующих участников взаимодействия (государственных и негосударственных органов – разработчиков нормативных актов, адресатов и гарантов нормы, других стейкхолдеров). При этом особенность регулирующего воздействия и вытекающая отсюда значимость его оценки связана в первую очередь с тем, что субъекты, инициирующие создание нормы, могут иметь отличные от ее адресатов цели и интересы, вследствие данных обстоятельств выгоды и издержки асимметрично распределяются между разными субъектами, являющимися адресатами нормы. В результате большое значение имеет продуманность последствий регулирующего воздействия, просчет кратко- и долгосрочных эффектов от внедрения регуляции и необходимость доказательства (как правило, со стороны инициаторов вводимого нормативного акта), что социальные выгоды внедрения как минимум превышают социальные издержки, а как максимум – не становятся дополнительными административными барьерами, ведущими к Парето-ухудшению общественного благосостояния.

Что касается выделения общих и специфических функций ОРВ как института, то помимо традиционно рассматриваемых в литературе информационной, координационной, и стимулирующей функций институтов, применительно к институту ОРВ следует, на наш взгляд, до-

бавить функцию социального обучения, поскольку в процессе взаимодействия субъектов не только улучшается качество принимаемых нормативных актов, но и возрастает социальный капитал взаимодействующих акторов.

Таким образом, проанализировав приведенные в различных источниках определения оценки регулирующего воздействия, можно заключить, что в случае ее успешной адаптации к условиям институциональной среды она может являться эффективным инструментом государственного регулирования, обеспечивающим координацию взаимодействия общества и власти с целью повышения общественного благосостояния, а также способствовать росту легитимности государственных решений в целом. Представляя собой систему, ОРВ функционирует как совокупность проектов законодательных актов, являющихся объектами регулирования, субъектов регулирования, процедур и ресурсов для осуществления данной оценки, обладая государственно-общественным механизмом контроля.

ПРАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРВ В РОССИИ

Рассматривая российский опыт внедрения ОРВ, стоит отметить, что подготовительный этап (стадия «риторики» жизненного цикла российской административной реформы) начался в начале 2000-х годов во многом под влиянием ОЭСР и Мирового банка. Фактически на федеральном уровне система оценки в России была внедрена в 2010 г., до этого времени она осуществлялась эпизодично на уровне экспертных кругов и некоторых региональных ведомств [9]. Однако данная система была лишь прообразом сегодняшнего российского опыта, в первые месяцы ее введения страна столкнулась с серьезными проблемами, которые требовали глубокой структурной проработки самого механизма проведения оценки. Это и было осуществлено в последующие два года: закреплён обязательный характер и расширена сфера проведения данной процедуры, установлен тридцатидневный срок ее осуществления, а также порядок подготовки заключения по ОРВ. Вместе с тем система имела серьезные недоработки: технология оценки не включала рассмотрение альтернативных способов достижения цели регулирования, а количественная и качественная оценка не была воспринята и фактически не проводилась, кроме того, отрицательное

заключение по ОРВ не отменяло возможности последующего принятия нормативного акта без каких-либо доработок. Существенным отличием системы было и то, что она носила централизованный характер, т.е. проведение и методическое обеспечение оценки было закреплено за Минэкономразвития, а органы-работчики только предоставляли ему информацию для проведения оценки, соответственно, контроль качества проведения ОРВ и ее полноты отсутствовал.

Таким образом, уже на данном этапе становления системы ОРВ в России можно выделить некоторые принципиальные отличия от западной модели:

- централизованная схема проведения ОРВ влечет за собой отсутствие контроля качества, полноты и достоверности заключений о проведенной оценке;
- цель ОРВ заключается в отсеивании проектов законов и НПА в целом, которые ведут к необоснованным расходам бюджета и предпринимателей, в то время как в западных странах целью является выбор лучшего из альтернативных способов регулирования;
- проведение публичных консультаций в России осуществляется уже по отношению к готовому акту, в западных моделях обсуждение ведется на этапе разработки НПА во избежание его возможных негативных последствий;
- область проведения оценки в России значительно уже и не охватывает полного спектра взаимодействия власти и общества, воздействия на экологию, социальный климат и т.д.;
- оценка в России применяется только для проектов НПА, в то время как на Западе существует направление оценки в отношении уже действующих подзаконных актов.

Возникшие проблемы реализации ОРВ, наряду с лоббированием интересов, подтасовкой фактов и коррупцией, пожалуй, уже перманентно присущими российскому обществу, заставили пересмотреть политику оценки для приведения ее в соответствие с «лучшими» западными практиками и повышения ее эффективности в целом. Эти намерения нашли свое отражение в принятом 17 декабря 2012 г. постановлении Правительства РФ № 1318, вступившем в силу с 1 июля 2013 г., что ознаменовало начало нового этапа в развитии российской практики применения института ОРВ. Рассмотрим некоторые из наиболее значимых изменений.

Во-первых, произошла децентрализация процедуры проведения оценки.

Согласно указанному постановлению проведение экспертизы НПА на основе ОРВ и подготовку заключения по итогам оценки осуществляют органы-разработчики непосредственно каждого подзаконного акта. Специальный департамент, функционирующий в рамках Минэкономразвития, проводит контроль качества, полноты и достоверности данной оценки. Таким образом обеспечивается более высокая объективность оценки и снижается вероятность лоббирования чьих-либо интересов.

Во-вторых, более четко обозначились границы сферы проведения ОРВ, теперь она распространяется и на налоговое законодательство в части взимания налогов и сборов, налогового контроля и т.д., проекты поправок Правительства и решения Совета Евразийской экономической комиссии.

В-третьих, несколько видоизменяется цель ОРВ, теперь это не просто отсеивание НПА, влекущих необоснованные расходы, а оценка положительных и отрицательных последствий введения регулирования и выбор на этой основе наиболее приемлемого его способа. Это положение существенно сближает российскую практику и западные стандарты проведения ОРВ.

В-четвертых, безусловным нововведением является разработка уровневой системы ОРВ. Выделяются три степени воздействия: высокая, средняя и низкая, и в зависимости от них устанавливаются сроки проведения оценки.

И наконец, последнее, но не по важности, изменение заключается в возрастании значения ОРВ для принятия НПА. Так, если по ОРВ в ходе публичных консультаций или в результате оценки альтернатив было вынесено отрицательное заключение, т.е. выявлена неэффективность такого государственного решения или серьезные потери какой-либо заинтересованной группы, то законопроект направляется разработчику для дальнейшей доработки с учетом замечаний. Эта мера существенно снижает административные барьеры и делает процедуру принятия нормативных актов более открытой и демократичной.

В целом, изменения, произошедшие в методике и принципах проведения ОРВ

в России в 2013 г., существенно приближают ее к западным стандартам оценки. На сегодняшний день в России соблюдаются все шесть принципов, разработанных группой Манделькерн [17], а поэтапная технология проведения оценки соответствует западной, рекомендуемой в странах ОЭСР.

Кроме того, на информационном портале ОРВ производится ежемесячный мониторинг деятельности Минэкономразвития в части оценки воздействия. Согласно его данным, пятилетняя статистика насчитывает более 4600 заключений по ОРВ, в отношении 30–40% из которых принимаются отрицательные решения. Таким образом, по оценкам того же портала, удалось избежать затрат бизнеса на сумму от 600 млрд до 3,2 трлн р. Всего за период применения практики ОРВ было внесено более 50 000 поправок и замечаний в отношении действующих НПА¹, т.е. уже можно судить о значимости функционирования данного института.

В целом, можно заключить, что западные практики характеризуются глубокой интеграцией в законодательный и управленческий процесс и повышенным вниманием к количественному и качественному анализу альтернатив. Их отличительной особенностью является децентрализация проведения оценки и широкий спектр ее направлений, включающих анализ воздействия на окружающую среду, социальный климат и экономику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе представленного исследования нами была предпринята попытка выведения собственного определения ОРВ на основе институциональной составляющей. В нашей трактовке ОРВ представляется как институт взаимодействия властных структур и всевозможных субъектов общественных отношений в процессе принятия государственных решений, разработки и оценки их альтернатив, анализа выгод и издержек такого вмешательства, реализующийся посредством проведения публичных консуль-

таций. Также авторами были выявлены специфические характеристики ОРВ, на основе которых можно заключить, что оценка регулирующего воздействия является особым рода институтом.

Что касается практики применения оценки, то ввиду относительно небольшого опыта использования ОРВ, Россия имеет некоторые проблемы, связанные с функционированием данного института, однако большинство из них можно объяснить издержками переходного периода, в то же время нельзя не отметить положительные тенденции в эффективности рассматриваемой системы и ее позитивном воздействии на экономику. Одним из таких резервов, как уже отмечалось выше, является использование потенциала ОРВ для социального обучения акторов и общественного (социального) контроля [1]. Существующие практики в данной сфере активно развиваются прежде всего применительно к техническому регулированию, с участием комитета РСПП по техническому регулированию, стандартизации и оценке соответствия. Вместе с тем более широкая практика внедрения ОРВ и задача по ее институционализации сталкивается с типичными ресурсными, информационными и институциональными барьерами, в целом характерными для системы оценки качества и эффективности производства государственных услуг. Более внимательный мониторинг показывает, что существующая практика ОРВ пока не позволяет вести речь об институционализации практик социального контроля, о наличии заинтересованности у широких слоев неангажированной общественности и адресатов принимаемых норм в улучшении ситуации. По-прежнему имеет место информационная асимметрия, рациональное невнимание и стратегическое поведение (в частности, проблема безбилетника), что характерно в том числе и для предпринимательского сообщества. В этой связи очевидна актуальность исследовательской задачи – выявления потребности со стороны стейкхолдеров в развитии практик социального обучения и совершенствования социального контроля. ■

¹ Информационный портал об Оценке регулирующего воздействия Министерства экономического развития. URL: <http://orv.gov.ru/>.

Источники

1. Дидикин А.Б. Оценка регулирующего воздействия как форма общественного контроля в сфере экономики // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 3–6.
2. Капогузов Е.А., Альжаханова К.Ж., Тлеубергенов Ш.А. Оценка регулирующего воздействия как импортируемый институт: опыт реформ в странах ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 11–22.
3. Капогузов Е.А. Дискретные институциональные альтернативы реформ государственного управления в странах с развитой и развивающейся институциональной средой // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 3. С. 102–115.
4. Клименко А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51.
5. Науменко Т.В. Деятельностный подход как объяснительный принцип для институциональной экономики // Экономика и управление: проблемы и решения. 2016. Т. 2. № 2. С. 4–6.
6. Павлов Д.В., Смирнов С.В., Шестоперов О.М., Сайдуллаев С.Ф. Мониторинг внедрения института оценки регулирующего воздействия в механизм принятия решений в субъектах Российской Федерации / АНО НИСИП. URL: http://nisse.ru/analytics/monitoring/?ELEMENT_ID=21123.
7. Сото Э. де. Иной путь: невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995.
8. Тамбовцев В.Л. Институты в социологии, политологии и правоведении: взгляд экономиста // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 115–126.
9. Шестоперов О.М., Смирнов С.В. О ходе внедрения оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ: некоторые итоги мониторинга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 65–82.
10. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a fundamental cause of long-run growth // Handbook of Economic Growth. Vol. IA / Aghion Ph. and Durlauf S.N. (eds.). North-Holland, 2005.
11. Cecot C., Hahn R.W., et al. An evaluation of the quality of impact assessment in the European Union with lessons for the US and the EU // Regulation & Governance. 2008. № 2. P. 405–424.
12. Denzau A., North D. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions? // KYKLOS. 1994. Vol. 47. № 1. P. 3–31.
13. Helm D. Regulatory reform, capture, and the regulatory burden // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22(2). P. 169–185.
14. Jacobs S.H. An Overview of Regulatory Impact Analysis in OECD countries // Regulatory Impact Analysis: Best Practices in OECD countries. Paris. OECD publications. 1997. URL: www.oecd.org/gov/regulatorypolicy/35258828.pdf.
15. Kirkpatrick C. Assessing the Impact of Regulatory Reform in Developing Countries // Public Administration and Development. 2014. № 34. P. 162–168.
16. Kirkpatrick C., Parker D. Regulatory Impact Assessment and Regulatory Governance in Developing Countries // Public Administration and Development. 2004. Vol. 24. P. 333–344.
17. Mandelkern Group on Better Regulation. Final Report. 2001. URL: http://ec.europa.eu/smartregulation/better_regulation/documents/mandelkern_report.pdf.
18. Radaelli C.M., Meuwese A.C. Better regulation in Europe: between management and regulation // Public Administration. 2009. Vol. 87(3). P. 639–654.
19. Vitek L. Regulatory Impact Assessment in the Czech Republic // European Financial and Accounting Journal. 2012. Vol. 7. № 3–4. P. 63–78.

References

1. Didikin A.B. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya kak forma obshchestvennogo kontrolya v sfere ekonomiki [Regulatory impact assessment as a form of public control in the sphere of economics]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom – Civil Society in Russia and Abroad*, 2014, no. 2, pp. 3–6.
2. Kapoguzov Ye.A., Al'zhakhanova K.Zh., Tleubergenov Sh.A. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya kak importiruemyy institut: opyt reform v stranakh EAES [Regulatory impact assessment as the imported institution: reform experience in the EAEU countries]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS – Public and Municipal Administration. Scientific Notes*, 2016, no. 3, pp. 11–22.
3. Kapoguzov Ye.A. Diskretnye institutsional'nye al'ternativy reform gosudarstvennogo upravleniya v stranakh s razvitoj i razvivayushcheyssya institutsional'noy sredoy [Discrete institutional alternatives of public administration reforms in countries with developed and developing institutional environment]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*, 2016, vol. 8, no. 3, pp. 102–115.
4. Klimenko A.V. Desyatiletie administrativnoy reformy: rezul'taty i novye vyzovy [The decade of administrative reforms: results and new challenges]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, 2014, no. 1, pp. 8–51.
5. Naumenko T.V. Deyatel'nostnyy podkhod kak ob'yasnitel'nyy printsip dlya institutsional'noy ekonomiki [The activity approach as an explanatory principle for the institutional economy]. *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya – Economics and Management*, 2016, vol. 2, no. 2, pp. 4–6.
6. Pavlov D.V., Smirnov S.V., Shestoperov O.M., Saydullaev S.F. Monitoring vnedreniya instituta otsenki reguliruyushchego vozdeystviya v mekhanizm prinyatiya resheniy v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii [Monitoring of the introduction of the Institute for Regulatory Impact Assessment in the Decision-Making Mechanism in the Subjects of the Russian Federation]. Available at: http://nisse.ru/analytics/monitoring/?ELEMENT_ID=21123.
7. Soto H. de. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World* (Russ. ed.: Soto E. de. Inoy put': nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire. Moscow, Catallaxy Publ., 1995).
8. Tambovtsev V.L. Instituty v sotsiologii, politologii i pravovedenii: vzglyad ekonomista [Institutions in sociology, political science and jurisprudence: the view of an economist]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*, 2015, no. 1, pp. 115–126.
9. Shestoperov O.M., Smirnov S.V. O khode vnedreniya otsenki reguliruyushchego vozdeystviya v sub'ektakh RF: nekotorye itogi monitoringa [On the course of inculcating the Regulation Impact Assessment in the subjects of the RF]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, 2013, no. 2, pp. 65–82.
10. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *Institutions as a fundamental cause of long-run growth*. Handbook of Economic Growth. Vol. IA (Aghion Ph. and Durlauf S.N. (eds.)). North-Holland, 2005.
11. Cecot C., Hahn R.W., et al. An evaluation of the quality of impact assessment in the European Union with lessons for the US and the EU. *Regulation & Governance*, 2008, no. 2, pp. 405–424.
12. Denzau A., North D. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions? *KYKLOS*, 1994, vol. 47, no. 1, pp. 3–31.
13. Helm D. Regulatory reform, capture, and the regulatory burden. *Oxford Review of Economic Policy*, 2006, vol. 22(2), pp. 169–185.
14. Jacobs S.H. *An Overview of Regulatory Impact Analysis in OECD countries*. Regulatory Impact Analysis: Best Practices in OECD countries. Paris. OECD publications. 1997. URL: www.oecd.org/gov/regulatorypolicy/35258828.pdf.
15. Kirkpatrick C. Assessing the Impact of Regulatory Reform in Developing Countries. *Public Administration and Development*, 2014, no. 34, pp. 162–168.
16. Kirkpatrick C., Parker D. Regulatory Impact Assessment and Regulatory Governance in Developing Countries. *Public Administration and Development*, 2004, vol. 24, pp. 333–344.
17. Mandelkern Group on Better Regulation. Final Report. 2001. Available at: http://ec.europa.eu/smartregulation/better_regulation/documents/mandelkern_report.pdf.
18. Radaelli C.M., Meuwese A.C. Better regulation in Europe: between management and regulation. *Public Administration*, 2009, vol. 87(3), pp. 639–654.
19. Vitek L. Regulatory Impact Assessment in the Czech Republic. *European Financial and Accounting Journal*, 2012, vol. 7, no. 3–4, pp. 63–78.